

— Заходите, отправляемся! — сердитая проводница недовольно смотрела на большую группу людей, провожающих молодую пару.— Быстрее, быстрее, не на войну уезжаете!

Тоня никак не могла оторваться от плачущей матери, её, в свою очередь, обнимала сестрёнка, ревевшая в голос. Гомонили подружки. Коля, муж, уже стоял в тамбуре, тщетно пытаюсь снова выйти из вагона, но широкая спина проводницы перекрывала дорогу.

Наконец распрощались, поезд тронулся. Тоня стояла в коридоре, смотрела в окно на проплывающие знакомые места: вот виадук, вот водонапорная башня, домик обходчика; потом строения кончились, потянулись пыльные кусты, росшие по сторонам железнодорожного пути. Поезд набирал ход. Слёзы, не переставая, текли по щекам. Увидит ли она когда-нибудь снова родные места? Проводница принесла бельё.

— Чего стоишь? Иди на место! — грубоватоскомандовала она.

Тоня испуганно посторонилась; подождав, пока тётка выйдет, зашла в купе. Коля расталкивал узлы и чемоданы: которые — под сиденье, которые — наверх, в багажное отделение, с трудом находя свободное место из-за многочисленных мешков, узлов и прочего багажа.

В купе уже был пассажир, пожилой толстый дядька с седой кучерявой шевелюрой. Сначала Тоня приняла его за женщину. И голос у него был какой-то бабий, тонкий.

Ребята впервые уезжали из родного посёлка и страшились неизвестности. Да они бы никуда и не уехали, если бы в посёлке была работа. Но её не было. Немногочисленные мелкие предприятия давно закрылись, а на которых жизнь ещё теплилась, денег не платили годами. Молодёжь разбежалась кто куда, взрослые спивались. Школа, где Тоня была учителем начальных классов, закрылась — некого учить. Беспросветная, страшная жизнь. Старший брат Николая жил в Забайкалье, добывал уголь на шахте, вот он и позвал молодых: приезжайте, здесь хоть тоже не мёд, но всё же жить можно.

— Ну что, молодёжь, рассказывайте: куда и зачем едете? — попутчик в упор разглядывал ребят.

Они, робко переглядываясь и смущаясь, отвечали.

— А я к сыну еду, он в леспромхозе работает, а сам я из Винницы, — дядька достал из туго набитого мешка снедь. — Ну, пора и поужинать.

Остро запахло салом с чесноком, у ребят потекли слюнки. Он долго и со вкусом насыщался; наконец, отдуваясь, снова завязал мешок, сунул его под лавку и вышел. Ребята изрядно проголодались, но никак не могли побороть стеснение. Потом всё-таки насмелились, перекусили варёными яйцами и пирожками, что испекла в дорогу мать. Возвратился попутчик. Проводница принесла чай. После чая понемногу разговорились. Попутчик расспрашивал, как живут люди в Сибири, удивлялся. Услышав, что Тоня учительница, стал рассказывать про свою школу, про директрису, Нинель Ивановну, чувствовалось, что он её очень даже уважал.

— А какая у неё шуба, детоньки мои! Какая гарная шуба! А у вас, дама, шуба е? — перебивая сам себя, то и дело спрашивал он Тоню.

— Есть, — отвечала Тоня, сдерживая смех: ей было смешно, что он называл её дамой. — Вон она висит.

И она с любовью поглядывала на свою новую шубку из натурального, но очень коротко подстриженного меха, довольно холодную и всё равно красивую. Особенно ей нравился пушистый воротник, тоже непонятно из какого меха. Шубка эта

досталась ей совершенно неожиданно. Николай, получив расчёт на мебельной фабрике, которая тоже закрывалась, шёл домой. Возле универсама толпились женщины — видно, ждали какой-то дефицит. Дверь в универсамг отворилась, и толпа рванулась внутрь. Николай вместе со всеми оказался в торговом зале. Стоял невероятный шум и гам — «выбросили» шубы. Мгновенно пришла мысль: куплю Тоне шубку, а то ходит в этой обдергайке китайской, мёрзнет. Продавщица подавала шубы, и Николай был уже близок к заветной цели, но вдруг почувствовал острую боль в кисти. В руку вцепилась зубами какая-то расхристанная баба, пытаясь перехватить вожаденный дефицит. Он с трудом оторвал руку, но всё же опередил соперницу.

— Дама, а у вас шуба е? — снова и снова спрашивал дядька — видно, сильно поразила его воображение шуба их директрисы.

Тоне было обидно за свою шубку, и она перестала отвечать.

— Хлопче, а надо, надо жинке шубку купить, — доставал он уже Николая. — Вот у нашей-то мадам шуба так шуба!

Наконец он утихомирился, и скоро слышался его храп. Ребята немного пошептались, но их тоже клонило ко сну, и, забравшись на свою верхнюю полку, Коля вскоре захрапел. Тоня ещё долго не спала, вспоминала дом, мамку, молча глотала слёзы, но усталость взяла своё, и она заснула.

Проснулись довольно поздно. Попутчика не было, не было и его многочисленных мешков и узлов. Они обрадовались, что никого к ним не подселили, позавтракали и улеглись опять. Тоня разгадывала кроссворды, а Николай снова задремал. «Дама, а у вас шуба е?» — вспомнила Тоня дядьку и засмеялась. Она посмотрела на вешалку, где висела шуба, но её там не было. «Перевесил, что ли?» — обводя глазами купе, подумала Тоня. Шубы не было нигде. Она разбудила Колю, он обшарил всё купе, заглянул под лавки, в багажное отделение — шубы не было!

Проводница, уже другая, ничего не могла сказать. Разбудили вчерашнюю, она, зевая и почёсываясь, сказала, что пассажир вышел ночью, где — она не помнит.

Поезд подходил к какой-то большой станции. По радио объявили, что на улице минус тридцать пять.